

Майя Димерли

Детские рассказы для взрослых

Не курите, дети!

Руслан, от которого все мои беды, снова нашел чем заняться. Вернее, он нашел окуроч, и мы должны были его докурить. Чтобы не попасться на глаза его дедушке с бабушкой или моим родителям, мы решили забраться в курятник. Так называлось место под нашим крыльцом, куда вела крохотная дверца, в которую свободно могла войти только курица. Трехлетняя же я протискивалась не так свободно, потому что ростом была с целых полторы. В курятнике было достаточно темно и очень грязно. Красиво выражаясь, это были авгиевы

курятни, которые достались нам от курей предыдущих владельцев дома. Именно там, в курятнике, где не было никаких кур, мы и собирались курить.

Руслан был старше меня года на два и, чего уж там, идеи, которые приходили ему в голову, меня бы никогда не посетили. Мы протиснулись в курьи ворота и расположились как могли.

Не успели мы хорошенько рассмотреть окурок и чиркнуть спичкой, как нас застучал мой брат. Курить он не собирался, но зато сказал, что если я буду курить, то *он* расскажет маме. Я выбрала курить! Я ведь дала слово Руслану, неужели непонятно?

Окурок мы благополучно докурили, и нам даже удалось не устроить пожар. Мы тянули дым в себя, мы дули в сигарету, но так и не поняли, зачем взрослые курят. Что такое курить в затяжку, мы, естественно, не знали и делать этого не умели. Но полевкусие все равно было не из приятных.

На следующее утро я, как обычно, пришла в комнату к родителям. Они уже не спали, и я уселась на диван. И тут начался спектакль.

– Жорик, – сказала мама трагическим голосом, обращаясь к папе, – ты знаешь, какой ужас?! Я читала в газете, что некоторые маленькие дети курят!

– Да, Валюша, – задумчиво ответил ей папа, – я знаю. Самое ужасное, что эти дети никогда не вырастают!

– Бедные дети! – пожалела мама «бедных детей».

Мне было очень неудобно за родителей, потому что актеры они были так себе. Самое обидное было то, что мои родители всегда разговаривали со мной, как со взрослой. Зачем же теперь нужно было придумывать это вранье? Конечно, я вырасту! Главное, что я сразу поняла, так это то, что живу под одной крышей с ябедой.

Ах, как юна и самонадеянна я была тогда! С каждым днем я все отчетливее понимаю, что мои родители говорили правду.

Я так и не выросла.

Нет ничего вкуснее

Мама ездила на работу на электричке. Когда она возвращалась, то иногда привозила большой бумажный кулек конфет «Коровка» эстонской кондитерской фабрики «Калев». Такие кульки в магазинах сворачивали из больших листов разно-коричневой бумаги. Эстонская «Коровка» была завернута в красные фантики. Какие фантики были у нее в Одессе, я не помню. Коровок

в кулке было полтора кг. Больше «в одни руки» не отпускали. Дни, наполненные коровками, были самыми счастливыми, хотя длились недолго, несмотря на все усилия мамы контролировать поедание заветных конфет. Однажды я открыла маме свою душу.

– Хочешь знать, о чем я мечтаю? – спросила я у мамы.

– Конечно, – ответила мама и приготовилась внимательно меня слушать.

– Я мечтаю, чтобы у нас был такой кулек «божьих коровок», который никогда бы не потрагился.

Я все время неправильно называла эти конфеты «божья коровка» – так сильно они мне нравились. И правда, на свете не было ничего вкуснее...

Может, только сгущенка. И живачки. Мятные и апельсиновые. И еще конфеты «Полет», такие вкусные леденцы, похожие на таблетки «аскорбинки», только прозрачные. Кстати, аскорбинки тоже очень вкусные, хоть и лекарства.

Вообще, так много вкусных лекарств! Вот, например, «полиэмилитки», которыми нас кормит дядя фельдшер, когда мы с мамой и братом ходим в Амбулаторию. Сначала он прикладывает к нашим с братом шкирлетам холодный стетоскоп, и тот постепенно об нас нагревается, а мы должны то дышать, то не дышать. Открыть рот и сказать: «А-а-а!». А потом доктор даст нам эти вкусные шарики – полиэмилитки, чтобы мы не заболели полиэмилитом. Я бы каждый день ходила за ними в Амбулаторию, но, видимо, их всегда не хватает, потому что часто нас туда не зовут. Зато мама может купить «гематоген». Тоже очень вкусное лекарство, если у тебя не хватает железа. Как мне хочется, чтобы у меня не хватало железа! Но самое, по-моему, вкусное

лекарство все-таки пертуссин. Такой сладкий сироп. Только тут надо хорошенько постараться и заболеть.

А вот еще в универсаме продают пепси-колу. Такую в маленькой бутылочке с красивой сине-красной крышечкой. Это самая вкусная в мире газировка. Ни «Буратино», ни «Дюшес», никакое другое ситро не могут с ней сравниться. Даже «Байкал». Он, конечно, похож на пепси-колу, но все равно она вкуснее. За пепси-колу я готова... ну... просто, что угодно!

А еще вот эти тубики. Один маленький с ярко-красным прозрачным кисло-сладким желе, наверное, смородиновым или клюквенным. Называется «Космос». И другой тубик, большой, с фруктовым повидлом. Я могу за раз съесть целый тубик «Космоса» или почти целый тубик этого повидла. Надо только немного подождать, отдышаться и доесть. Самое здоровское в этом то, что ты можешь есть из тубика, как настоящий космонавт. А кто не хочет стать космонавтом? Я лично очень хочу! Да это даже решено уже!

Когда я вырасту, я обязательно полечу в Космос!

Ке-Ге-Бе!

Однажды, когда дети, кошки и качели были мне недоступны, я придумала новое развлечение и принялась за взрослых. Где я набралась того, что предложила ни в чем не повинным незнакомым людям, ума не приложу. Но это пользовалось неизменным успехом.

А было это так. Я стояла на перроне в ожидании электрички. Когда электричка останавливалась, и двери открывались, я подлавливала на выходе ничего не подозревающих людей, начинала прыгать перед ними из стороны в сторону на широко расставленных ногах, пытаясь не дать им обойти меня, и, раскинув руки в разные стороны, дурным голосом требовала:

– Пропуск! Ке-Ге-Бе! Ке-Ге-Бе! Пропуск!

Я не унималась до тех пор, пока ошалевшие сперва люди не начинали смеяться. Потом мужчины с серьезным видом засовывали правую руку во внутренний карман пиджака, а женщины в сумку, и каждый, достав оттуда свою руку, показывал мне открытую

ладонь. Я внимательно смотрела на пустую ладонь и таким же дурным голосом заявляла:

– Прахади-и-и!

И сразу же переключалась на следующую жертву.

– Пропуск! Ке-Ге-Бе! – басила я перед следующим на очереди.

Ростом я сильно недобирала до метра даже в кепке. А кепку-то я и не носила. Плюс согнутые и широко расставленные ноги. Представьте, вы хотите куда-то войти или откуда-нибудь выйти, а перед вами скачет клоп и девичьим басом требует документы! Казалось бы – смешно!

Но что значит работать в уважаемой организации

в 1976 году! Никто не прошел мимо, никто не проигнорировал меня, никто не сказал, чтобы я отстала. Все без исключения показывали мне свои документы. Конечно, сейчас, когда я знаю об этом учреждении все то, что знаете и вы, я бы ни за что не стала так развлекаться. Во-первых, возраст не тот. Но тогда я многого не знала.

Однажды мы с мамой собирались куда-то ехать. Прибыла не наша электричка и, чтобы не терять зря времени, я пошла проверять пропуски у людей. У мамы глаза полезли на лоб. Она взяла меня за руку, извинилась перед незнакомцем, который уже успел предъявить документы, и отвела меня в сторону. Она была очень смущена, но ничего мне не сказала. Может быть, она подумала, что я действительно там работаю? Я и сама, пожалуй, уже не смогу с уверенностью ответить на этот вопрос.

Но одного я действительно не могу понять. Может быть, вы знаете? Вот откуда у всех этих людей были пропуска?

Рисунки Виктории Грозивчак